

Марина
СЕРОВА

**Криминал
под софитами**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Криминал под софитами
Серия «Русский бестселлер»
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28725832

Серова, Марина Сергеевна. Криминал под софитами: Э; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-090225-5

Аннотация

Жизни ведущего ток-шоу на местном телеканале угрожают неизвестные. Ничего удивительного, журналистика – опасное занятие, даже если ты не ведешь репортажи из горячих точек, а всего лишь сталкиваешь в эфире ревнивых жен, неверных мужей и соблазнительных любовниц. Между прочим, у телеведущего есть право и на собственную личную жизнь, где тоже все не просто. Что перед нами – блеф, провокация, капризы телезвезды или реальное уголовное дело? Телохранитель Евгения Охотникова разберется.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	46
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Марина Серова

Криминал под софитами

© Серова М. С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава 1

– Как видите, господин обер-лейтенант, – ничуть не растерявшись, сказал Швейк, – каждый сожранный паштет всегда лезет наружу, как шило из мешка. Я хотел взять вино на себя, а он, болван, сам себя выдал. Балоун – вполне порядочный человек, но при этом сожрет все, что ему ни доверь. Я знал еще одного такого субъекта, тот служил курьером в банке. Этому можно было доверить тысячи. Как-то раз он получал деньги в другом банке, и ему выдали лишних тысячу крон. Он тут же вернул их. Но послать его купить копченого ошейка на пятнадцать крейцеров было невозможно: обязательно по дороге сожрет половину. Он был таким невоздержанным по части жратвы, что, когда его посылали за ливерными колбасками, он по дороге распарывал их перочинным ножиком, а дыры залеплял английским пластырем. Пластырь для пяти маленьких ливерных колбасок обходился ему дороже, чем одна большая ливерная колбаса.

«Да, – подумала я, наслаждаясь просмотром «Бравого солдата Швейка» по каналу «Культура», – Швейк – просто кладезь разных историй, и на любой случай у него найдется своя забавная байка».

Фильм подходил к концу, когда мой нос уловил умопомрачительный аромат. Похоже, что тетушка Мила сотворила новое кулинарное чудо. Я вышла из своей комнаты и напра-

вилась на кухню. Так и есть: на столе меня ждали запеченная цветная капуста в ароматной сырной корочке и безумно вкусный нежный пирог с зеленым луком, курицей и тертым сыром. Цветная капуста, запеченная в духовке по особому рецепту, моей тете особенно удается: она получается золотистой и хрустящей снаружи и при этом мягкой и нежной внутри. Но где же сама тетя?

Из тетиной комнаты доносилась какая-то телевизионная болтовня.

– Что-то интересное смотришь? – спросила я, приоткрыв дверь.

– Ах, Женя, – вздохнула она, – в кои-то веки решила посмотреть ток-шоу «Скажи мне», но такого наслушалась!

– А что тебя смутило?

– Ужасно бестактные вопросы, и, если честно, я просто не понимаю, кого все это может интересовать, – ответила тетя. – Представляешь, ведущий Сергей Белодворчиков спрашивает гостя программы, эстрадного певца, когда тот в первый раз испытал оргазм! Я просто в шоке!

– Наверное, еще в детском саду он его испытал, – усмехнулась я.

– А ты откуда знаешь? – Тетя подозрительно посмотрела на меня.

– Я просто предположила, – пожала я плечами. – Но ты пойми: ток-шоу ради этого и устраиваются. Задавать подобные вопросы на них – это в порядке вещей, тем более если

речь идет о какой-нибудь звезде. Людям же нужно кого-то обсуждать, и пусть лучше это будет человек публичный, чем соседка или коллега. В конце концов, звездная персона сама на это соглашается. А что? Если таланта недостает, чтобы тебе помнили, приходится участвовать в подобных проектах. Пока твое имя на слуху – ты интересен. Такие люди не могут и дня прожить, чтобы не засветиться хоть где-нибудь. А хорошо или плохо о них говорят – им все равно. Лишь бы говорили. Забвение смерти подобно.

– Слышала бы ты, как он рассказывал интимные подробности своей жизни, – сокрушенно произнесла тетя Мила. – Такое ощущение, что его подобные темы нисколько не смущают и вообще о себе, любимом, он готов говорить бесконечно. Он как будто уверен, что окружающим все, что его касается, страшно интересно!

– А я что тебе говорю! – воскликнула я.

– Он даже признался в том, что жалеет, что у него традиционная ориентация! – в ужасе добавила тетя Мила. – Вот до чего дошло!

– Сейчас такими признаниями никого не удивишь, – снова пожала плечами я.

– Но как же так? – продолжала недоумевать тетя. – Почему людей так привлекает пошлость?

– Положим, не всех, – возразила я, – а только тех, у кого других интересов нет.

– Но согласись, Женя, если так и дальше пойдет дело, то...

Если люди день-деньской будут смотреть ток-шоу, где обсуждаются эрекция, мастурбация, количество партнеров и так далее, то во что мы превратимся? Люди же просто выродятся!

– Ты преувеличиваешь, – начала я, но тетушка уже закусила удила.

– Ничего я не преувеличиваю! – с жаром вскричала она. – Кто нынче в героях ходит? Помнишь, был такой Чикатило? Сколько сюжетов о нем было снято, сколько выходило статей в газетах и журналах! Да о нем писали, мне кажется, больше, чем о Пушкине за двести лет. Или вот о московском криминальном авторитете Япончике. Что, больше поговорить не о ком? Нет чтобы делать передачи о достойных людях, о деятелях культуры, искусства...

– Тетя, ты просто не те каналы по телевизору смотришь, – примирительно сказала я. – Не надо ток-шоу, не надо криминальных хроник и сериалов. Смотри классику, мелодрамы, что-нибудь о природе, о путешествиях... И вообще пойдем-ка лучше сейчас на кухню! Я ужасно проголодалась, а оттуда так заманчиво пахнет! И расскажи еще раз, как ты готовишь капусту. Она у тебя получается просто божественная.

– Да ничего сложного, – начала тетя, поднимаясь с места, и двинулась на кухню, охотно рассказывая на ходу: – Берешь цветную капусту, разбираешь ее на соцветия, бросаешь в кипяток и отвариваешь до полуготовности. Да, воду подсолить

не забудь, только слегка, просто чтоб капуста не выварилась, а то весь вкус из нее уйдет. А пока она у тебя варится, ты готовишь соус. На сухой раскаленной сковороде обжариваешь муку, добавляешь молоко или сливки – лучше сливки, конечно. Доводишь соус до кипения, а потом бросаешь туда тертый сыр, чтобы он расплавился. Потом берешь противень, смазываешь его сливочным маслом и выкладываешь на него отваренную капусту, а сверху заливаешь этим соусом. И чтобы корочка была, нужно все посыпать панировочными сухарями, добавить еще немного тертого сыра и сбрызнуть растопленным сливочным маслом. Дальше в духовочку на двадцать минут – и вся премудрость.

Не то чтобы я не помнила, как готовится тетина капустная запеканка: память у меня цепкая. Но вот кулинарными способностями природа меня явно обделила. Несколько раз я пыталась приготовить это блюдо, прилежно следуя рецепту, и даже воду подсолить не забывала, но шедевра так и не получилось. Впрочем, это не важно, главное, что тетя отвлеклась от телевизора и всякого негатива, которого успела хлебнуть с экрана.

Мы с аппетитом пообедали, оставив несколько кусочков запеканки и пирога на завтра. Надо же, столько хлопот у плиты – а результат исчезает всего за пятнадцать минут! Да, прав был незабвенный историк и специалист по кулинарии Вильям Похлебкин, когда говорил, что гастрономические шедевры нельзя сохранить ни в каких музеях: они съедаются

тем быстрее, чем они прекрасней.

После обеда тетя Мила собралась провести свою приятельницу, а я задумалась, чем бы заняться мне. Работы пока нет, гонорар, полученный от предыдущего клиента, еще не потрачен... Пойду-ка я поищу интересные книжки для тетушки Милы – пусть лучше их читает, чем телевизор смотреть! К тому же скоро день ее ангела, она придает этому дню особое значение, так что подарок в любом случае необходим.

Я подошла к зеркалу и тщательно причесалась. Парой взмахов кисточки для туши подкрасила ресницы, обвела губы контурным карандашом и добавила немного розовой помады. Чутьочку румян на скулы – и, пожалуй, все, образ завершен. Осталось надеть ветровку и прихватить сумку. Прогуляюсь, наверно, пешком: поблизости есть один небольшой книжный магазинчик, где я часто приобретаю что-нибудь.

Весна была в самом разгаре: ярко светило солнце, весело щебетали птицы, и деревья уже покрылись молодой листвой. Да, сегодня денек погожий! А вчера в небе висели тяжелые тучи, и когда они сгустились, хлынул такой ливень, будто разверзлись все хляби небесные, и на земле воцарился настоящий потоп. Вон и сегодня кое-где еще не высохли огромные лужи.

Книжный магазинчик на первом этаже приветливо пахнул передо мной дверь. Войдя, я кивнула знакомому продавцу и принялась рассматривать полки с книгами. Продавец-консультант Георгий тем временем занимался предста-

вительной дамой в очках. Дама эта была весьма почтенного возраста и, тщетно напрягая память, пыталась объяснить, какая именно книга ей нужна. Рядом с ней капризничала девочка лет пяти.

– Баб, а баб! – ныла она. – Мне тоже нужна книжка, ты не забыла?

– Я все помню, Настюрашенька.

– Нет! – взвизгнула девочка так, что у меня заложило уши. – Не называй меня та-ак! Я же просила!

– Ладно, ладно, не буду, – испуганно пробормотала бабушка. – Сядь вон на стульчик и посиди спокойно, подожди, пока дядя найдет мне книгу.

– А мою книжку?

– И твою книжку тоже, я помню. Ступай, сядь туда, – и дама махнула рукой в сторону небольшого дивана и пары стульев.

Девочка послушно потопала в указанном направлении.

– Давайте продолжим наши поиски, Саша, – повернулась дама к продавцу.

– Давайте, – легко согласился он. – Только я не Александр, а Георгий.

– Ох, простите меня, голубчик, – смутилась она, – совсем старая стала, ничего не помню.

– Как, вы сказали, называется книга?

– «В плену у страсти», – неуверенно произнесла она. – А может, «Оковы страсти»? Или «В вихре страсти»? Пони-

маете, моя приятельница очень рекомендовала, а я название забыла записать. Но Лизочка сказала, что обложка у нее такая, знаете, фисташкового цвета. Да я и сама видела.

– Может, рисунок какой на обложке был? – уточнил Георгий, подходя к стеллажу с книгами.

– Нет, рисунка никакого не было, это я помню, – уверенно произнесла женщина.

– Бабуля! Ты скоро там? – вновь подала голос девочка.

Она уже сидела на стуле и от нечего делать болтала ногами.

– Скоро, Настюшенька, совсем скоро, – заверила ее бабушка. – Вот сейчас Геннадий отыщет мне книгу и...

– А мою книжку?

– Помню, помню, не мешай! Дай сосредоточиться и вспомнить, – взмолилась бабушка.

– Значит, говорите, обложка однотонная, без рисунка, фисташкового цвета?

– Да, да, да, – поспешно закивала она.

– Сейчас посмотрим, – сказал Георгий и начал перебирать книги.

– Простите, – вмешалась я, – а может быть, имеет смысл позвонить вашей приятельнице и уточнить название?

– Я уж несколько раз звонила, – вздохнула дама. – Она не берет трубку. А давайте, я тоже буду смотреть книги, – предложила она Георгию, – глядишь, вместе быстрее найдем.

Георгий молча кивнул. Дама подошла к другому стеллажу

и начала перебирать книги.

– Вот! – воскликнула она, вытащив томик в светло-коричневой обложке. – Эта книга, точно! Я вспомнила название: «В вихре всепоглощающей страсти». Автор – Келли Стоун.

– Но позвольте, – возразил Георгий, – эта книга коричневого цвета. А вы говорили, что цвет фисташковый.

– Но ведь кожа у фисташек коричневая!

– Кожа у любых орехов коричневая: и у миндаля, и у фундука. Кроме разве что арахиса.

– Это не важно, – нетерпеливо отмахнулась дама. – Главное, что я ее нашла! Но мне еще нужно выбрать книги для моей свояченицы...

– А мне? – вскричала внучка. – Теперь моя очередь! Ты опять обо мне забыла?

– Да, конечно, Настюша, и тебе тоже. Что ты там хотела, детка? Муху? «Муху-Цокотуху», что ли?

– Я уже сто раз тебе сказала: о пчелке! У Дашки есть такая книга – о пчелке Майе.

Я улыбнулась и подала девочке книгу, которая стояла как раз на ближайшей ко мне полке. В детстве я тоже любила мультики о пчелке Майе, так что мне не составило труда сразу же узнать книгу по картинке на обложке.

Потом Георгий подобрал книги в подарок для приятельниц дамы. Наконец бабушка с внучкой покинули магазин, и продавец-консультант устало опустился на стул возле кассы.

– Часто бывают такие покупатели? – спросила я.

– К счастью, нет, – ответил Георгий, – пожалуй, первый случай. Обычно все знают, что им нужно. А вы выбрали что-нибудь?

– Да, вот, – я протянула две книги с интригующими названиями «Неофициально и засекречено» и «Лабиринт Креза».

Вернувшись домой, я села за компьютер, чтобы посмотреть каталог новинок кино. Но не успела я набрать и пары букв в поисковике, как зазвонил телефон.

– Алло, – сказала я.

– Здравствуйте, – проговорил густой баритон, – я хотел бы поговорить с Евгенией Максимовной Охотниковой.

– Это я, слушаю вас.

– Евгения Максимовна, мне очень нужна ваша помощь, – в голосе моего собеседника послышалось волнение.

– Могу я узнать ваше имя? – спросила я.

– Да, конечно, – пробормотал он. – Извините, что сразу не представился. Я Сергей Белодворчиков.

Что-то знакомое... Ах да, ведь как раз сегодня тетя Мила называла это имя! Так это он, телеведущий Сергей Белодворчиков, который любит задавать гостям своей программы бестактные вопросы? Надо же, легок на помине. Однако что ему надо?

– Я вас слушаю, Сергей, – сказала я в трубку.

– Евгения Максимовна, мне нужна круглосуточная охрана. Приезжайте как можно быстрее, – попросил он.

– Вам угрожают?

– Меня пытались... Давайте я все вам расскажу при встрече.

– Хорошо, – согласилась я. – Вам известны мои расценки?

– Да, меня все устраивает, – заверил он.

– Тогда продиктуйте адрес, я приеду к вам, скажем, через полтора часа. Вас устроит?

– Да, вполне. Думаю, что за это время со мной ничего не случится, – грустно усмехнувшись, проговорил Белодворчиков.

Я быстро собрала все необходимое: в сумку положила газовый баллончик и электрошокер, десантный нож в ножнах прикрепила под джинсы, чтобы в нужный момент он оказался под рукой (точнее сказать, под ногой), а на руке у меня красовался браслет, в который было вмонтировано металлическое лезвие. Еще два таких же лезвия были замаскированы под пряжки на поясе джинсов.

Перед выходом я решила поискать информацию об этом самом Белодворчикове. Наряду с ничего не значащими упоминаниями телеведущего в местных новостях я нашла несколько статей о нем и его программе и углубилась в чтение.

Оказывается, ток-шоу «Скажи мне» Сергей Белодворчиков ведет на канале «Тарасов-24» уже пять лет, и у этой передачи, если верить автору статьи, очень высокий рейтинг. В чем же причина столь феноменального успеха у телезри-

телей? Автор утверждает, что в ток-шоу они видят «настоящие, невыдуманные истории людей, и это волнует аудиторию больше, чем пафосные рассуждения на общие темы. Вынося на обсуждение частную проблему отдельного человека, отдельной семьи, в программе говорят о том, что волнует всех без исключения».

Что же это за проблемы? Вот, например, прекрасный сюжет: школьная учительница по вечерам танцует в стрип-шоу. Имеет ли она право работать в школе и воспитывать детей? Или вот еще животрепещущая проблема: права ли мать, застрелившая убийцу своего сына? Можно ли ее оправдать? Еще тарасовцев, судя по всему, крайне интересует вопрос, всегда ли политика – это криминал? В общем, понятно: в «Скажи мне» обсуждаются как проблемы общегосударственного характера, так и обыденные житейские неурядицы, но все это должно быть тесно переплетено с насилием, сексом, девиациями, скандалами и эпатажем. Предполагается, что иначе ток-шоу никто смотреть не будет.

А вот информация с официального сайта программы: «Формат передачи включает короткий ролик, вводящий аудиторию в суть проблемы, приглашение героев сюжета с их проблемами в качестве объекта дискуссии и известных людей – политиков, представителей шоу-бизнеса – в роли экспертов, которые обсуждают данную жизненную ситуацию». Целевая аудитория «Скажи мне» – домохозяйки, пенсионеры, безработные, а также рабочие и служащие с небольшой

зарплатой. Ток-шоу смотрят мужчины старше 45 лет и женщины от 35 лет. Ну-ну.

О, вот еще статеечка о самом Белодворчикове! «Ведущий не столько стремится выразить свою индивидуальность, сколько проецирует на себя ожидаемые целевой аудиторией черты и стереотипы. Таким образом, коммуникатор ток-шоу строит свое поведение, исходя из запросов зрителя». Вот когда это читаешь, становится даже обидно за всех домохозяек, пенсионеров, безработных и служащих с невысокой зарплатой, которым поголовно приписывают столь низменные интересы. Неужели создатели подобных ток-шоу искренне верят в то, что зрителей интересуют только чернуха и чужое грязное белье?

Ладно, читаем дальше. «Телеведущий обладает располагающей к себе внешностью: аккуратная прическа, ухоженное лицо, прекрасная физическая форма, легкий загар, стильная, но подчеркнута строгая одежда, модные очки». Даже фотография имеется. Весьма, надо сказать, импозантный мужчина.

«Белодворчиков позиционирует себя исключительно в качестве телеведущего. В передаче он выступает преимущественно как нейтральное лицо, что позволяет ему высказывать собственное мнение по всем обсуждаемым в программе вопросам, и это приближает его к аудитории». Да, с учетом того, что каждый из нас в глубине души мнит себя экспертом по всем вопросам сразу, такой прием действительно эффек-

тивен, что и говорить, он реально цепляет.

«Эмоциональный фон передачи очень высок». Ха-ха! Естественно, разве скандалы бывают монотонными? Эмоции выплескивают все: и приглашенные в студию, и телезрители, и участники очередной истории (то бишь скандала), и, конечно же, сам телеведущий. «Сергей Белодворчиков активно использует невербальные средства коммуникации, он находится в постоянном движении, он очень динамичен. Однако при этом он сохраняет равновесие: не мельтешит руками, не суетится, не выказывает волнения. Телеведущий предстает уверенным, сильным и харизматичным человеком с невероятным самообладанием и сохраняет этот образ, несмотря на накаляющуюся с каждой минутой атмосферу в студии. Используя сильный голос и ярко выраженную мимику, он демонстрирует свой темперамент и эмоции, показывает свою человечность и сопричастность происходящему».

Что, в принципе, исчерпывающий портрет. Жаль только, что все это – о телеведущем, и ни слова – о человеке. Сама я такую муру не смотрю, так что не могу составить своего мнения об этом типе. Впрочем, можно почитать комментарии к статьям.

Бегло просмотрев, что пишут люди о передаче и ее ведущем, я пришла к выводу, что тех, кому Белодворчиков нравится, и тех, у кого он вызывает рвотный рефлекс, примерно пятьдесят на пятьдесят.

«Нельзя копаться в дерьме годами. Нужны хорошие примеры из жизни. Тем более что это постановочное шоу, и сидят там одни и те же лица. Так сказать, «реальные истории о реальных людях», а потом видишь этих же людей в совершенно других программах либо еще где», – написал один из телезрителей. «Сколько простых людей совершили истинно благородные поступки (спасли тонущих, вынесли на себе из горящего дома, кому-то помогли, что-то построили). Вот о чем надо рассказывать, а не о том, кто с кем спит и в какой позе», – вторил ему другой. «Надо и политику освещать, я согласна, но почему в режиме нон-стоп?» – вопрошала некая женщина. «Отстойное шоу! – возмутился еще кто-то. – К тому же – постановочное! Как-то раз такую хрень зафигачили! Один чувак всю дорогу жаловался, что, типа, его преследует киллер, которого он сам же нанял, потому как депресняк на него накатил! И вот он, типа, перекрывается от этого киллера, даже на шоу приперся. Типа, помогите, товарищи-граждане, мне, посоветуйте че-нибудь. А лохи в зале и давай стараться! Одна чувиха к себе зовет, типа, у меня – безопасно. Ну, люди!»

«А мне ток-шоу нравится! – возражал защитник Белодворчикова. – И не всегда там «чернуха»! Помню очень интересный сюжет о том, как одна девушка встретила со своей биологической матерью. Женщина призналась, что у нее не было средств, чтобы воспитать свою дочь. Но она рада, что жизнь ее дочери сложилась так хорошо. Приемные

родители дали девочке все, о чем она могла мечтать. Они всячески поощряли ее занятия акробатикой, и это стало делом всей ее жизни. Биологическая мать извинилась перед своей дочерью. В ответ девушка заверила ее, что будет поддерживать с ней общение. Приемные родители поддержали эту идею». Да, действительно, очень трогательная история, но все-таки маловато позитива на общем фоне.

А вот еще интересный отзыв: «Самый мерзкий и скользкий тип этот ведущий, переворачиватель грязного белья, глубоко в проблему не копает, он – завсегда с дорогих фитнес-центров и тусовщик, тусит, где нужные люди и деньги». Возьму на заметку, пожалуй.

Однако мне уже пора!

Я схватила сумку, спустилась, завела свой «Фольксваген» и поехала к Белодворчикову на улицу Пехотинцев.

Популярный телеведущий жил в новом элитном доме улучшенной планировки. Это был большой жилой комплекс, огороженный внушительным металлическим забором-решеткой. В холле дома меня встретил высокий накачанный охранник, совсем молодой, и поинтересовался, к кому я направляюсь. Только после того, как он позвонил Белодворчикову и тот подтвердил, что я действительно пришла по его приглашению, меня допустили к лифту.

Сергей Белодворчиков встретил меня у входной двери и сразу пригласил в комнату, которая представляла собой гостиную и кабинет одновременно. На светлом паркете я уви-

дела ковер леопардовой расцветки. У входа в комнату с одной стороны стоял черный лакированный столик-бочонок, а с другой – высокая белая скульптура, изображающая нечто непонятное. В центре гостиной располагался большой полукруглый диван, обитый атласом в молочных тонах, с многочисленными разноцветными подушками, а к нему примыкало изящное кресло. Перед диваном находился круглый столик, расписанный золотым орнаментом с восточными мотивами. Напротив дивана висела большая плазменная панель. Диковатое смешение стилей, но в целом пафосно и дорого, как и можно было ожидать.

Сам телеведущий облачился в щегольскую пижаму, поверх которой накинул синий кашемировый халат. Воротник и рукава халата были отделаны бархатом, а на кармане красовалась монограмма. Несмотря на столь элегантный вид, Белодворчиков совершенно неэлегантно шмыгал носом и периодически кашлял – судя по всему, он не на шутку простудился.

– Располагайтесь, Евгения Максимовна, – сказал он. – И прошу меня извинить за мой вид: я, кажется, заболеваю.

Как бы в подтверждение своих слов он довольно громко чихнул и полез в карман халата за платком.

– Вчера был ливень, и мне пришлось несколько часов провести на свежем воздухе, – пояснил он, сморкаясь.

– Сергей... – начала я и осеклась, потому что, несмотря на обилие информации в Интернете, отчество телеведущего

нигде не упоминалось.

– Александрович, – подсказал он, – но можно просто Сергей.

– Сергей Александрович, – с нажимом произнесла я и пояснила: – В общении с клиентами я предпочитаю воздерживаться от фамильярности.

– Пожалуйста, – он пожал плечами, – как вам удобно. Просто на работе я привык, что ко мне обращаются только по имени.

– Здесь нет камер, – заметила я, присаживаясь на диван. – И мы с вами будем работать совершенно над другими вещами. Расскажите, пожалуйста, что произошло. Вы говорили, что вас пытались убить?

Белодворчиков опустился в кресло рядом со мной.

– Нет-нет, скорее это было похищение. Просто я не сразу понял... В общем, вчера утром я как ни в чем не бывало вышел из подъезда – и вдруг мне в шею уперлось что-то жесткое, и я почти сразу же потерял сознание. Наверное, в меня ткнули электрошокером. А когда я очнулся, то почувствовал жуткую сухость во рту и какой-то металлический привкус. И еще меня всего трясло как в лихорадке, даже зубы стучали. В общем, ощущения... – Белодворчиков покрутил головой.

– Вы помните, где именно очнулись? – быстро спросила я.

– В машине. Мы куда-то ехали.

– Вы? Сколько вас было? Вы видели водителя?

– Я не знаю. Глаза у меня были залеплены скотчем. Но я

чувствовал, что меня крепко держат с двух сторон за шею и за локти. Стало быть, я находился на заднем сиденье и, кроме меня, в машине сидели еще как минимум трое: двое на заднем сиденье и водитель.

– Ваши похитители что-нибудь говорили? Они разговаривали с вами или между собой?

– Нет. За все время поездки я не слышал ни слова. Ко мне никто не обращался, да я бы и не смог ответить: рот мне тоже залепили скотчем. Если бы они говорили между собой, я мог бы догадаться, что они намерены делать со мной. Но они молчали.

– Сколько приблизительно по времени вы ехали?

– Не могу сказать. Состояние у меня было – сами понимаете. Помню только, что сначала мы ехали по асфальтированной дороге, потом по грунту. Иногда ветки трещали вокруг, царапали крышу – это я тоже помню. В общем, это было где-то за городом. Когда машина наконец остановилась, я подумал, что теперь-то все разъяснится – по крайней мере, станет понятно, кто меня вывез и зачем. Но не тут-то было! Меня все так же молча выволокли из машины, с заклеенными глазами и ртом, а потом раздели. Сорвали куртку, пиджак, рубашку, стащили джинсы, ботинки. Носки даже стянуть не побрезговали. Я по-прежнему ничего не видел, но чувствовал, что это обыск: они выворачивали карманы, перетряхивали всю мою одежду, стучали ботинками. Судя по всему, ничего не нашли, все так же молча сели в машину и уеха-

ли. А я остался, пардон, в одних трусах. Хорошо, что у меня были свободны руки. Кое-как я отодрал скотч и увидел, что нахожусь в лесополосе. Одежду, к счастью, бросили рядом, так что я поскорее оделся и побрел куда глаза глядят. Плутал-плутал, пока не выбрался на какое-то шоссе, где меня и подобрала ближайшая попутка.

– Вы обратились в полицию с заявлением о похищении? – спросила я.

– Обратился, а что толку? – Белодворчиков пожал плечами. – Кто меня похитил – неизвестно, с какой целью – неизвестно. Что будет дальше – неизвестно тоже. Полиция ведь не станет меня круглосуточно охранять. Вся надежда на вас.

– Но я тоже не смогу вас охранять пожизненно, наверное. Как вы думаете?

– Но что же мне делать? – Белодворчиков жалобно посмотрел на меня.

– Насколько мне известно, лучший способ защитить человека – это ликвидировать то, что ему угрожает, – веско сказала я. – А для этого надо выяснить, откуда исходит угроза. Согласны?

Белодворчиков послушно кивнул.

– Тогда давайте думать вместе. С вами раньше что-то подобное случалось?

– Нет, никогда, – твердо ответил мой подопечный.

– Есть догадки, что искали ваши похитители?

– Совершенно не представляю, что их могло заинтере-

совать! – воскликнул Белодворчиков. – Если бы я шел с какой-нибудь важной встречи или собирался встретиться с кем-то, я мог бы прихватить с собой какую-то важную информацию, и тогда имело бы смысл меня обыскивать. Но я просто вышел за хлебом!

Может быть, похитители просто не знали, куда направляется телеведущий, или что-то попутали? А может быть, его припугнули таким образом? Или Белодворчиков не до конца честен со мной? Этот фактор тоже нельзя исключать. Но нападение, связанное с его профессиональной деятельностью, – это, конечно же, первое, что приходит на ум.

– Сергей Александрович, – начала я, – а нет у вас ощущения, что таким образом кто-то хотел помешать вашей работе? Может быть, как раз сейчас вы готовите очередное ток-шоу, где затрагивается особо щекотливая тема или слишком интимные подробности чьей-то частной жизни? И этот человек решил любой ценой пресечь ваши действия, чтобы запланированное шоу не вышло в эфир. Возможен такой вариант?

После некоторого молчания Белодворчиков сказал:

– Нет, я думаю, нет.

– Но неужели никогда не было никаких конфликтов между вами и участниками программы? Что-то не очень в это верится, – усомнилась я.

– Почему же, конфликты были, – кивнул мой собеседник. – Но совершенно по другим поводам. В основном из-

за финансов.

– Например?

– Например, одна певица обратилась в суд, чтобы взыскать компенсацию за отмененную программу. Она приехала в студию в указанное время, но по каким-то причинам – я уж не помню, по каким именно, – все переиграли и запланированное шоу сняли с эфира. Певица обиделась, подала иск и вдобавок обвинила наше руководство в клевете: мол, мы неоднократно распространяли ложную информацию о ее личной жизни. Руководство публично извинилось, всю нежелательную информацию опровергло, но дело с компенсацией как-то замяли. Правда, я к этому отношения не имел – я ведь только ведущий, за концепцию ток-шоу и за финансовую сторону отвечает директор программы.

Что ж, нет так нет. Попробуем подойти к поиску похитителей с другой стороны.

– Скажите, а вы не успели заметить своих похитителей хотя бы мельком, когда выходили из подъезда? Может быть, что-нибудь бросилось в глаза – скажем, рост, одежда, особые приметы?

– Да как я мог что-то заметить? – недоуменно спросил Белодворчиков. – Я же говорил, что меня сразу же отключили. А когда я очнулся, то глаза у меня уже были залеплены. Так что нет, я никого из них не видел.

Да, скверная история. Приметы нападавших отсутствуют, следы в лесополосе искать бессмысленно, тем более что

жертва похищения и не помнит толком, где его высадили. И все-таки странно. Почему молча? Почему обыск – и только? Было бы понятно, если б его спрашивали о чем-то, угрожали, избили даже... Но почему вот так?

– Скажите... – начала я, но Белодворчиков меня перебил.

– Да, Евгения Максимовна, я ведь вам еще не все рассказал. Когда я вернулся домой, то обнаружил, что и дома у меня кто-то побывал.

– Так что же вы молчали! – воскликнула я. – У вас что-нибудь пропало? Вещи были на своих местах или вы заметили беспорядок?

– Нет, особого беспорядка я не увидел, – отрицательно мотнул головой мой подопечный, – но по некоторым признакам понял, что в квартире побывали чужие.

– По каким признакам? – насторожилась я.

– Кое-что из вещей было передвинуто, – пояснил он.

– Полицию вызывали?

– Да, они приехали, прошлись по комнатам, но никаких следов не обнаружили. А я не смог им сказать, пропало что-то или нет, – вроде все ценные вещи остались на своих местах.

Еще одна странность. Наверняка в квартире у популярного телеведущего, обставленной с такой претенциозной роскошью, было чем пожитья!

– Но вы ведь наверняка обратили внимание, чем конкретно интересовались ваши гости? Документами, вещами, ан-

тиквариатом?

– Скорее всего, их интересовали диски, – живо откликнулся Белодворчиков. – На стойке с дисками все переворачивали – похоже, каждый вынимали по очереди и скрупулезно просматривали.

– А что у вас было на дисках? Какая-то секретная информация? – спросила я.

– Да что вы, какие там секреты! В основном это просто сценарии шоу, отдельные фрагменты – в общем, рабочий материал.

– Они кого-то, кроме вас, могли интересовать? – задала я следующий вопрос.

– Едва ли, – пожал плечами Белодворчиков.

– И в этих фрагментах не было никакого компромата? Вы никому из участников программы не наступали на большую мозоль, никого не обидели, не унизили?

– Нет, ничего такого не было.

– Хорошо, – вздохнула я, переходя к следующей гипотезе. – А кому-то из ваших коллег эти диски могли пригодиться?

– Нет, – мотнул головой телеведущий. – Мы не конкурируем между собой, у каждого свои задачи и наработки.

– И никто из них не желал вам зла? У вас со всеми равные отношения, без зависти, без обид?

– Как вам сказать. Это же шоу-бизнес, люди на телевидении непростые, у каждого свои амбиции. Но в целом не могу

утверждать, что у меня с кем-то были плохие отношения.

Все мои предположения о связи происшедшего с работой Белодворчикова на этом иссякли. Оставалось только перейти к фактам.

– Расскажите, пожалуйста, как начался ваш вчерашний день, – попросила я. – Только как можно подробнее. Вспомните все, что вы делали вплоть до того момента, когда вышли из подъезда. Может быть, кто-то вам звонил по телефону или по домофону?

– Да нет, все было как всегда: я проснулся, принял душ, позавтракал и собрался выходить из дома... Ах да, я ведь и правда забыл кое-что! Ко мне с утра заявила одна дама.

– Что за дама? – оживилась я.

– Да так, одна знакомая, – нехотя сказал Белодворчиков. – Вообще-то я ее не приглашал. Но раз уж пришла – предложил ей чашку чая. И пока готовил этот чай, и пока она его пила, я все думал, как бы от нее отделаться.

– И о чем вы с ней говорили?

– Да так, обо всем понемногу и ни о чем по существу, – пожал плечами мой собеседник.

– Она не сказала, зачем пришла? – продолжала допытываться я.

– Нет, но... Знаете, она как будто была чем-то напугана.

– И вы не спросили, чем именно?

– Какое мне дело? – фыркнул Белодворчиков. – Мы с ней давно уже не... виделись. У нее своя жизнь, у меня своя.

Я поговорил с ней немного о том о сем, да и выпроводил во-
свояси.

– И что было дальше?

– Она села в свою машину и уехала.

– Точно уехала?

– Да, я же смотрел в окно и все видел. А что?

– Так, уточняю на всякий случай. Кстати, можно все-таки
узнать, кто эта женщина? Как ее зовут и чем она занимается?

– Ее зовут Светлана, – с некоторым смущением прого-
ворил Белодворчиков, – Спиридонова Светлана. Чем зани-
мается? Да всем понемногу. Была моделью, потом что-то
там рекламировала. Сейчас у нее брачное агентство «Стрела
Амура». Кажется, она еще где-то снималась в массовке. Да-
мочка довольно привлекательная, обожает шокировать пуб-
лику и менять мужей. Хотя сейчас вроде бы свободна. Мно-
гие знают ее как младшую сестру Владимира Елистратова,
нашего тарасовского бизнесмена. Вам это имя знакомо?

Я кивнула. Еще бы! Ведь он был одним из первых, кого я
охраняла, когда только приехала в Тарасов к тетушке Миле.

– А эта Светлана вообще могла к вам заявиться рано
утром ни с того ни с сего? Или такой поступок был чем-то
из ряда вон выходящим?

– Вообще спонтанность – ее естественное состояние. Не
могу сказать, что я сильно удивился. Она и не на такие сюр-
призы способна.

– Хорошо. А как вы считаете, Светлана могла быть ка-

ким-то образом причастна к вашему похищению?

– Н-нет, не думаю, – Белодворчиков удивленно посмотрел на меня.

– Получается, Сергей Александрович, что вы никого не подозреваете в случившемся? – спросила я.

– Разве что, – неуверенно начал он. – Видите ли, сейчас идет подготовка к местному конкурсу красоты. Победительница отправится в кругосветное путешествие под рекламным слоганом «Красота спасет мир». Так вот, я практически уверен в том, что меня хотели похитить, чтобы сорвать этот конкурс, ведь я его главный организатор. Возможно, они еще что-то замышляют против меня.

– Они – это кто?

– Есть такой Максим Перепрыжкин, племянник генерального директора нашего телевидения, – понизив голос, сказал Белодворчиков. – Ничего собой не представляет, но, сами понимаете, родственник. И принесла же его нелегкая с Сейшел! Торчал бы там да девочек обихаживал в свое удовольствие – так нет же! Не иначе как сам дядя его оттуда выдернул.

– А зачем? – удивилась я.

– Как зачем? На мое место, видимо. Вы, Евгения, не представляете, какой это серпентарий!

– Вы же говорили, что у вас со всеми хорошие отношения?

– До известных пределов. Когда речь заходит о больших деньгах – а в этом конкурсе крутятся большие деньги, – то

уже никто ничем не гнушается, понимаете?

– И вы тоже? – в лоб спросила я.

– Само собой, – твердо ответил он.

Вот люди! А может, вся эта история с похищением – просто самопиар, попытка приковать внимание к грядущему проекту любой ценой? Тогда зачем вообще я здесь сижу?

– Знаете, я ведь человек рискованный, – несколько самодовольно сообщил Белодворчиков. – Когда помоложе был, мы с друзьями устраивали «бензиновый кайф»: скидывались на призовой фонд, а потом гнали по всему городу из одной точки в другую, не глядя ни на светофоры, ни на дорожные знаки. Главное было – прийти первым.

– И кто же приходил первым? – поинтересовалась я.

– Ваш покорный слуга, – Белодворчиков улыбнулся, но сразу же болезненно сморщился и закашлялся.

– И что, сильно обогатились вы на этом? – не смогла я сдержать усмешки.

– Да дело не в деньгах, – откашлявшись, объяснил он. – Суммы на кону были не такие уж большие. Важен был азарт, кураж. Но я недолго участвовал в гонках: сначала сломал ногу, потом разбил машину. И решил, что с этим надо завязывать. А потом увлекся парашютным спортом. Причем у меня была своя фишка: я приземлялся в жокейском седле!

– Круто! – воскликнула я.

– Да, – согласился он, – но мне это быстро надоело. И тогда я попробовал русскую рулетку.

– И как?

– Повезло, как видите.

– Вижу, – кивнула я.

– И на тарзанке я летал, и в сафари на африканских львов участвовал, и в заплыве в озере, где водились крокодилы, и...

– А где живет Светлана Спиридонова? – оборвала его я. Мне надоело слушать хвастливые рассказы о его экстремальных похождениях.

– Что? Ах, Светлана... На улице Добролюбовской, дом 17, квартира 108, – сказал Белодворчиков и снова закашлялся. – Извините, я что-то совсем расклеился. Пойду прилягу. А вы, Евгения Максимовна, располагайтесь. Но вы напрасно думаете, что Спиридонова каким-то образом в этом замешана, – добавил он и ушел в соседнюю комнату.

Что бы он ни говорил, мысль о связи его похищения с появлением Светланы в его квартире не давала мне покоя. Зачем она явилась к нему в такую рань? Чем была напугана? Очень может быть, что за ней кто-то следил и предполагал, что она оставила у Белодворчикова какую-то важную информацию. В этом случае логика злоумышленников вполне понятна: они разделились на две группы, и пока одна группа занималась похищением и обыском моего подопечного, вторая проверяла его квартиру.

Не успела я додумать эту мысль до конца, как из соседней комнаты послышался стон. Я прислушалась. Стон повторил-

ся. Я встала с дивана и подошла к двери.

– Сергей Александрович, – позвала я и постучала.

Никто не отозвался. Я открыла дверь и вошла в спальню с альковом, стены которого были обиты золотистым шелком с восточным орнаментом. Кровать, расположенная в алькове, привлекала внимание изящным резным изголовьем, с которым перекикалось винтажное кресло в углу на витиеватых ножках. По обе стороны кровати стояли две стильные тумбочки из орехового дерева с оригинальными настольными лампами. Горизонтальные и вертикальные белые плинтусы превратили стены в экзотические картины в рамах. В двух больших вазонах росли комнатные растения, которые отражались в зеркале золоченого трюмо. Светлый паркет был покрыт белым пушистым ковром.

Белодворчиков лежал в постели, и глаза его были закрыты. Он тяжело, со свистом дышал.

– Сергей Александрович, вы меня слышите? – спросила я.

Белодворчиков открыл глаза.

– Как вы себя чувствуете? Что вас беспокоит?

– Боль в груди, – слабым голосом сказал он. – И дышать как-то... тяжело.

Я заметила, что губы у него начали синеть, и срочно вызвала «Скорую». Ждать пришлось довольно долго. По прибытии нерасторопные эскулапы послушали хрипящее дыхание моего подопечного, вяло померили давление и, пробормотав что-то невнятное, повезли его во Вторую клиническую

больницу. Разумеется, я поехала с ним.

В приемном покое Белодворчикова положили на каталку, укрыли каким-то одеялом и ушли, велев подождать, пока до нас дойдет очередь. Несчастный больной от слабости задремал, а мне поневоле пришлось слушать разговоры о том, как непросто стало вызывать муниципальную «Скорую помощь». Особенно впечатлил меня рассказ одной молодой женщины с короткой асимметричной стрижкой.

– В субботу утром к нам в гости приехал мой папа. Я накрыла шикарный стол, посидели, выпили по глотку вина за встречу. Потом я вдруг почувствовала усталость и пошла прилечь... И вот в четыре часа дня просыпаюсь от резкой боли в груди, задыхаюсь, говорить не могу, как будто язык парализовало. Хватаю мобильный – благо он под рукой – и набираю мужа, который в соседней комнате. Он влетает ко мне, видит, что я никакая, орет: «Что случилось?» Я хриплю: «Вызывайте «Скорую»!» – и меня начинает трясти. Папа меня держит, муж сует валидол, глицин, спазган... Я кое-как таблетку спазгана проглотила и отключилась. А «Скорая» ехала сорок минут!

– За это время и помереть можно, – заметила женщина средних лет, сидящая рядом.

– Вот-вот, – согласилась с ней рассказчица. – Приехали они наконец, измерили давление – нормальное, сделали ЭКГ. Вкололи кеторол и спросили, поеду ли я в больницу. Я отказалась. Тогда они предупредили, что на следующую

ший день ко мне придет участковый терапевт. А ночью у меня снова был приступ удушья, уже не такой сильный, но спать после этого я боялась, промаялась до утра без сна. Утром муж позвонил в поликлинику, спросил, когда будет доктор. Ему сказали: в первой половине дня. Я жду час, два, три... Спазмы усиливаются, спазган перестает помогать, жру горстями все обезболивающие подряд, какие есть в доме. В два часа звонит мой участковый терапевт. «Что у вас случилось?» – спрашивает. «Вчера приступ был, – говорю. – Грудь болит». – «Вам настолько плохо, что вы не можете сами прийти?» – «Здрасте, – говорю. – Мне доктор «Скорой» сказал, чтобы я вас дома ждала!» Врач трубку бросила, а я занервничала. И понеслось! У меня снова приступ, я кричу папе: «Вызывай опять «Скорую», мне плохо!» Снова спазган, кетонал, валидол под язык, корвалол...

– Это у вас на нервной почве новый приступ разыгрался, – авторитетно заявила собеседница молодой женщины.

– А фиг его знает, на какой почве! В этот раз «Скорая» приехала ровно через час, и папа им сказал: «Забирайте в больницу!» Врач меня досконально осмотрел, взял кровь на сахар, снова обезболит и заявил: «Одевайтесь, едем в больницу на обследование!» Приезжаем туда еще через час, потому что пробки везде, в холле сидит какой-то тролль и орет на всю больницу: «Я король! А вы все быыыыдлоооо!» При этом у него еще мяукает телефон, реально мяукает – рингтон такой: «Миу! Миу!» В общем, дурдом! Взяли меня под

белы рученьки, повели в лабораторию сдавать кровь из вены – а она не льется, пальцы ледяные. Медсестра меня до синяков истерзала, кое-как выдавила 10 миллилитров в пробирку и отправила восвояси. И начались мои хождения по мукам. Сначала меня щупал хирург – ничего не нашел. Потом меня смотрела терапевт: слушала, щупала, долго изучала ЭКГ и вообще вела себя очень странно. Будь она молоденькой, я бы подумала, что это вчерашняя студентка, опыта нет совсем. Но вот сидит передо мной женщина под сорок, вроде не первый день работает – а я чувствую, что не играет саксофон-то! Не понимает она ничего – ни ЭКГ, ни анализы. И не знает толком, что сказать.

– Сейчас такие врачи пошли, ужас! Дипломы-то все купленные! – вставила только что подошедшая старушка.

– А где других возьмешь? – живо откликнулась рассказчица и продолжала: – Короче, оставила меня врачаха в кабинете на пару минут и ушла. Смотрю: возвращается с таким уса-тым толстым дяденькой, похожим на моржа. Реально морж, но при этом очень импозантный! Привела его – и началось все по новой: он тоже меня постучал, послушал, пощупал, давление измерил и сел изучать ЭКГ. И вдруг скидывает на меня глаза и радостно сообщает: «Так это же экстрасистолы однозначно!» Вроде как я в курсе. Но я-то не медик, откуда мне знать, что такое экстрасистолы? Я просто спросила: «С этим живут?» Он хохотнул: «Да, конечно, живут, это у каждого второго! Просто делайте каждые три дня ЭКГ.

И учтите, что вам полный покой нужен. А рецепт мы вам сейчас выпишем. У вас, наверное, грипп был, болели недавно?» – «Да, – говорю, – болела две недели назад». – «Кагоцел принимали?» – «Да, пила по схеме». – «Так это у вас осложнение после гриппа». Короче, они мне прописали курс лечения, дали справку, что я поступила в их больницу такого-то числа, попросили подписать отказ от госпитализации и сказали сходить к участковому терапевту. Я все сделала, как они велели. Приношу терапевту справку, а там написан диагноз: вегетососудистая дистония и единичная экстрастилия. Врач спрашивает, как я себя чувствую, и приходится все по новой рассказывать с самого начала. Она меня внимательно выслушала и говорит: «Так это у вас грудной остеохондроз!» Я спрашиваю: «А почему тогда у меня немеют ноги и пальцы на руках?» А она отвечает: «Побочный эффект, это нормально!» И дает направление к неврологу. Выхожу я такая в осадке из кабинета и думаю: куда теперь эту гору таблетосов девать, которую мне в больнице выписали? Папа дома спрашивает: «Что она сказала? Какой диагноз?» А я не знаю, что и ответить. Говорю: «Боюсь, что это узнает только патологоанатом. Потому что у трех разных терапевтов четыре разных диагноза». Такая вот фигня.

– Да уж, ни диагностировать, ни лечить толком до сих пор не научились! – подхватила одна из присутствующих. – Вот взять хотя бы диабет. Уже лет семьдесят прошло с тех пор, как придумали колоть инсулин. И все! На этом все и закон-

чилось.

– А вы что хотели? – язвительно спросила ее соседка по очереди. – Чтобы раз – и вылечить насовсем? Они же тогда без работы останутся!

– А обследования какие болезненные! – продолжала женщина. – Двадцать первый век на дворе, а методы – как в Средневековье: что колоноскопия, что гастроскопия. А биопсия? Это же, по сути, самая настоящая операция! Моему родственнику делали биопсию легких – так у него десятков осложнений потом открылось, полгода приходил в себя. А в итоге оказалось, что у него идиопатический – это значит, непонятно какой – фиброз легких. Назначили ему море дорогущих гормональных препаратов, но предупредили, что это только временная мера, отсрочка. По существу, это тоже не лечится. Стоило ли столько времени мучиться, чтобы такое услышать?

– В подобном случае только трансплантация легких поможет, – авторитетно заявил подошедший мужчина.

– Это пока из области фантастики, – возразили ему из очереди.

– Не скажите! В израильских клиниках, например, уже очень успешно делают такие операции.

– Так надо еще и донора найти.

– Это целая система, – принялся охотно рассказывать мужчина. – В Европе и Америке многие специальные договоры составляют – мол, если что, не возражаю, чтобы мои ор-

ганы были взяты для трансплантации. В автостраховку специально этот пункт включают. Причем делают по-хитрому: там в конце договора о страховании просто маленький квадратик, где надо галочку поставить, если ты не хочешь, чтобы твои органы достались кому-то другому в случае чего. Не увидел этот квадратик, не поставил галочку – значит, ты не против. И тогда если с тобой, не дай бог, случится что – тебя сразу же на стол еще тепленького и на органы...

– Изверги какие! – покачала головой старушка из очереди.

– А еще говорят, что людей похищают на органы, – начал кто-то.

К счастью, в этот момент моего подопечного повезли на рентген, и я отправилась сопровождать его, так что дальнейшие подробности разборки людей на органы прошли мимо меня.

Результат рентгеновского обследования оказался неутешительным: у Белодворчикова диагностировали правостороннюю сегментарную пневмонию. Разумеется, ему следовало остаться в больнице, но лечащий врач предупредил, что лежать придется в коридоре, так как в палате свободных мест нет.

– Нет, спасибо, – решительно сказала я, – нас это не устраивает!

О какой безопасности может идти речь, когда человек лежит в больничном коридоре? Тем более с пневмонией. Нет уж, мы пойдем другим путем! Белодворчиков – человек

небедный, а в сложившейся ситуации здоровье и безопасность – это самое главное.

Я быстренько вызвала такси и попросила отвезти нас в частную клинику «Авиценна». Там однажды лечилась те-тушка Мила и осталась очень довольна и условиями, и вра-чами. Кстати, и охрана там на высоте: пройти внутрь можно только через турникет по электронной карте, которая выда-ется при предъявлении паспорта.

Доехали мы на этот раз быстро. Я передала персоналу на ресепшне все необходимые справки и анализы, которыми нас снабдили в муниципальной больнице, и сдала своего под-опечного с рук на руки врачам «Авиценны». Теперь наконец можно было ехать на улицу Добролюбовскую, чтобы погово-рить со Светланой.

Ее не оказалось дома. Я упорно звонила в дверь несколько раз подряд, но никто мне так и не открыл. Зато неожиданно распахнулась дверь напротив квартиры Спиридоновой. Из нее показалась женская взлохмаченная голова и бросила на меня взгляд, не предвещающий ничего хорошего. Судя по всему, это была одна из тех женщин, которые, перейдя черту среднего возраста, становятся недовольными всем на свете, сами не понимая, а за что, собственно. Скорее всего, в мо-лодости эта дама была очень даже ничего, но с годами кра-сота исчезла, и сохранились лишь остатки привлекательно-сти. Еще раз окинув меня подозрительным взглядом, дама выдвинулась на лестничную клетку, уперла руки в бока и за-

стыла в довольно угрожающей позе.

Вероятно, она приняла меня за квартирную воровку. С одной стороны, нужно было срочно отвести от себя всякие подозрения, чтобы эта особа не подняла шум на весь подъезд. С другой стороны, не мешало бы завязать с ней разговор: столь любознательная и энергичная соседка наверняка могла бы рассказать о Светлане много интересного.

– Вам здесь что надо? – все так же подозрительно глядя на меня, спросила женщина.

Решение пришло мгновенно. Я скорчилась, как будто от внезапной боли, и застонала:

– Ой, кажется, я ногу подвернула!

Женщина смерила меня недоверчивым взглядом.

– И когда же это вы успели?

– Да вот только что, – плачущим голосом принялась оправдываться я. – Понимаете, я занимаюсь танцами, это профессиональное. Связки разболтаны. У меня часто так бывает. Сейчас помассирую – может, перестанет болеть.

Я опустила на пол и принялась старательно растирать щиколотку левой ноги. Женщина продолжала хмуро смотреть на меня: очевидно, мой самомассаж ее не очень-то убедил.

– Что-то я не видела, как вы подвернули ногу, – скептически заметила она. – Зато видела, как вы полчаса названивали этой... выдре!

Мои предположения оказались верными: похоже, эта дама

любит наблюдать за окружающим миром через глазок входной двери. Что ж, будет просто прекрасно, если она поделится со мной кое-какими наблюдениями!

Я еще энергичнее стала растирать щиколотку, приговаривая слабым жалобным голосом:

– Ужасно больно! Извините, я посижу здесь еще немного. Пока не могу идти...

Не знаю, поверила ли женщина моим словам. Сначала она просто молча стояла как истукан и, видимо, о чем-то усиленно думала – во всяком случае, на лбу у нее собрались многочисленные складки. Потом, ни слова не говоря, она вернулась в свою квартиру и громко хлопнула дверью, давая понять, что ни я, ни моя нога ее больше не интересуют. Но удаляющихся шагов за дверью я не услышала. Скорее всего, дама решила продолжить наблюдение через глазок. Что ж, посмотрим, кто кого!

Я продолжала растирать ногу, всем своим видом показывая, что ничего, кроме собственной больной щиколотки, меня в данный момент не заботит. И мои усилия вскоре были вознаграждены: дверь снова раскрылась.

– Что, так и будете здесь сидеть на холодном полу? – с неожиданным сочувствием спросила любопытная соседка.

Я кротко вздохнула.

– Идемте ко мне, – решительно проговорила она.

Я бросила на нее благодарный взгляд и, изо всех сил хромая, проковыляла к ее двери. Она проводила меня к себе на

кухню, усадила на стул, а сама села рядом на табурет.

– Хотите воды? – предложила она.

Добрая какая! Ладно, вода так вода. Хозяйка радушно достала из холодильника бутылку «Бон-Аквы».

– У вас какое-то дело к этой мерзавке Ланке? – спросила она, подавая мне стакан с водой.

Я кивнула, пытаюсь на ходу придумать это самое дело. Но ничего не придумывалось, и я решила просто потянуть время.

– Рассчитывала застать ее дома, – начала я, – да что-то ошиблась в расчетах. Вы случайно не видели ее сегодня?

– Вы небось своего мужа разыскиваете в этом вертепе?

Отличная идея! И как я сама не додумалась?

– Да-да, – с деланным смущением ответила я. – Понимаете, сегодня мне позвонили и сказали, что мой муж здесь...

– Понятно, – оборвала меня дама. – Дальше можете не продолжать. Эх, не вы одна такая горемычная! А эта стерва всех мужиков вокруг себя собрала! А ваш муж кто?

– В смысле? – не поняла я.

– Кто он? Миллиардер, крупный бизнесмен или депутат какой?

– Нет, он простой служащий, – обескураженно ответила я.

– Тогда вы своего мужа не там ищите! С простыми мужиками Ланка не связывается – ей подавай олигархов!

– Вас, простите, как зовут? – спросила я, чувствуя, что разговор налаживается.

– Калерия Илларионовна, – важно произнесла дама.

– А я Виктория. Расскажите, пожалуйста, а кто она вообще такая, эта Светлана? – жалобно попросила я.

– Да шалава она, разве непонятно? – в сердцах воскликнула женщина. – Сначала все модельку из себя изображала, в юбчонке до пупа ходила. На пару со своей подружкой Ксюшкой-шлюшкой выделялась. Потом в актриски подалась, где-то там снималась. Сейчас вот брачное агентство заимела, называется... какая-то там стрела. Правильно, такие как раз сводничеством и занимаются – опыт-то имеется. Но дома она не появлялась со вчерашнего дня. Так что вашего благоверного точно здесь сейчас нет, это вас обманули.

– Пойду тогда, – робко сказала я. – Спасибо вам.

– А как же ваша нога? – напомнила Калерия Илларионовна.

– Кажется, уже лучше. Идти могу.

И, прихрамывая для видимости, я покинула гостеприимную квартиру соседки Светланы Спиридоновой.

В целом разведка оказалась малоинформативной. Единственное, что мне удалось узнать, – это то, что Светлана не ночевала дома. Но какая мне разница, где она ночевала? Такие женщины могут провести ночь где угодно. Вот где она была накануне внезапного утреннего визита к Белодворчикову – это узнать было бы гораздо полезнее. Но не могла же я устраивать ее соседке полноценный допрос! Ладно, попробую что-нибудь выведать в ее агентстве.

Глава 2

Брачное агентство «Стрела Амура» располагалось на первом этаже многоэтажки. Просторный холл напоминал кабинет психоаналитика из американского кино: кожаные диванчики, столы и стулья без острых углов, абстрактные фотографии в аккуратных рамочках на стенах, выкрашенных в пастельные тона. В холле толпилось несколько женщин, которые что-то писали – наверное, заполняли анкеты. Приглядевшись, я заметила, что перед ними лежат русско-английские словарики: стало быть, женщины рассчитывали на брачный союз с иностранцем. Время от времени одна из них поднимала глаза к потолку и, покусывая кончик ручки, мечтательно улыбалась или мучительно морщила лоб, а потом снова склонялась к своему листку.

В конце холла молодая белокурая женщина – скорее всего, администратор, – приветливо улыбаясь, беседовала с рыжеволосой девушкой с диктофоном в руках – судя по всему, представительницей прессы. Я подошла поближе.

– У нас очень высокий процент заключенных браков. И серьезные связи за рубежом. Можно выйти замуж практически в любую страну, – рассказывала сотрудница агентства. – Вот посмотрите, кто к нам обращается, – она разложила перед корреспонденткой альбом с цветными фотографиями клиенток.

Мне тоже были видны эти фотографии. С глянцевого страниц на меня смотрели разные женщины – молодые и не очень, симпатичные и так себе, но немало было и веселых, ухоженных, красивых. Неужели они не могут найти мужа самостоятельно?

– Жизнь складывается по-разному, – вздохнула блондинка. – Кто-то карьеру делает, кто-то в разводе, у кого-то двое детей. Но в основном все надеются не просто создать семью, но и устроить жизнь получше. Вот и обращаются в международное агентство. А где же они сами встретят иностранца?

Ага, вот оно что. Значит, Светлана владеет международным брачным агентством.

– А какие фото пользуются спросом? – спросила рыжеволосая.

– Жизнерадостные, – ответила сотрудница. – А еще такие... первобытные. Вот Саша, ей сорок лет. – Администратор вынула фотографию. – Сфотографировалась она в белье на огромной мягкой игрушке-тигре своей дочери. Мы на нее уже 70 или 80 откликов получили.

Корреспондентка вынула из альбома несколько фотографий, перевернула одну из них и прочла на обороте:

– Марина, главный бухгалтер, играет в большой теннис, свободно владеет английским, французским, финским.

Я почувствовала легкий укол зависти, но, взглянув на фото, завидовать перестала: Марина напоминала Водяного из мультика «Летучий корабль».

– Да, вот и так бывает, – вздохнула блондинка. – И умница, и зарабатывает хорошо, а никому не нужна оказывается.

– А что надо сделать для того, чтобы стать вашей клиенткой? – спросила корреспондентка.

– Самая простая схема – это внести свои данные в картотеку и участвовать в наших мероприятиях, – ответила администратор. – Анкета включает стандартную информацию: дату рождения, знак зодиака, рост, вес, цвет глаз, волос. Далее нужно написать о своих увлечениях. Что обычно пишут русские женщины в таких пунктах? Театр, музыка, литература, танцы, природа, воспитание детей, домашнее хозяйство – классический набор гуманитарной нации. Некоторые добавляют здоровый образ жизни и спорт. Никто не пишет, что увлечен карьерой: женщины рассчитывают, что обеспечивать их будет заграничный муж.

– Говорят, русских жен ищут те иностранцы, которые устали от феминизма, – подхватила корреспондентка. – Они хотят, чтобы жена была домработницей и нянькой. И спутницей для статуса, конечно.

– А есть еще и вторая анкета, – продолжала администратор, – она посвящается претенденту в мужья. В ней требуется указать, какую расу вы предпочитаете, приемлемые привычки, рост, сферу профессиональной деятельности, хобби.

– А кого женщины в основном выбирают? – спросила представительница прессы.

– Возраст в среднем от тридцати до пятидесяти, часто

соглашаются на детей от первого брака, – ответила блондинка. – Все указывают финансовое благополучие мужчины. А вот к внешности относятся довольно спокойно. Впрочем, иностранцы тоже бывают нетребовательными, у них стереотип, что русские женщины – все красавицы и лучшие жены. Еще мы просим наших клиенток написать обращение к суженому. Это очень важно, это, по сути, единственное живое слово во всей анкете. Именно по обращению мужчина будет судить о том, какая вы и подходите ли ему. Всем заполнившим анкету мы выдаем годовую членскую карточку-бейдж для посещения клубных вечеров и встреч с зарубежными кандидатами в мужья. Еще можно в Интернете разместиться. И потом, мы даем рекламные объявления в газетах и в журналах.

– Очень интересно, – подвела итог корреспондентка. – Спасибо за интервью! Но я бы хотела еще побеседовать с владелицей агентства.

Администраторша сразу как-то напряглась.

– К сожалению, Светланы Евгеньевны сегодня в агентстве не будет.

– Жаль. А когда можно будет с ней пообщаться?

– К сожалению, не могу этого сказать, – пряча глаза, ответила блондинка. – Светлана Евгеньевна позвонила еще вчера и назначила меня своим заместителем. А ее самой пока не будет...

Корреспондентка пожала плечами и, спрятав диктофон в

сумочку, направилась к выходу. Она свою работу выполнила, пусть и не на сто процентов. А вот я была озадачена. Понятно, конечно, что владелица брачного агентства (а также бутика, парикмахерской, косметического салона и так далее) не обязана сидеть у себя в кабинете (если даже он у нее есть) от звонка до звонка. Если дело поставлено как надо, то сотрудники прекрасно справляются со своими обязанностями и в отсутствие хозяйки. Но мне-то что теперь делать?

Ладно, будем считать, что отсутствие результата – тоже результат. Кое-что важное я все-таки узнала, а именно то, что со вчерашнего дня Светлана где-то скрывается: ни соседка, ни сотрудники агентства ее сегодня не видели. И как раз вчера похитили моего подопечного и перерыли всю его квартиру. И произошло это тотчас после визита Светланы, которая явилась без предупреждения и была чем-то напугана. Нет, совпадением это точно не назовешь!

Но где же теперь искать эту неуловимую Светлану? Ах да, ведь она сестра Владимира Елистратова, которого я когда-то охраняла! Как я могла это забыть? Что ж, тогда наведаюсь к Владимиру Евгеньевичу.

Его офис располагался в коммерческом центре на Болотниковской улице – внушительном шестиэтажном здании из красного кирпича. «Фольк» я оставила на стоянке, взбежала по ступенькам, миновала охранника и поднялась на лифте на четвертый этаж.

В просторной приемной за компьютерным столом вос-

седела элегантно одетая секретарша средних лет. Ее образ явно добавил солидности бизнесу Елистратова: помнится, раньше на этом месте сидела совсем юная сексапильная красотка, очень смахивающая на куклу Барби.

– Здравствуйте, – обратилась я к секретарше, – Владимир Евгеньевич у себя?

Секретарь окинула меня внимательным взглядом серых глаз и спросила:

– Как вас представить?

– Евгения Охотникова.

– Владимир Евгеньевич собирается ехать на встречу, но, возможно, он еще успеет вас принять. Я сейчас узнаю.

Через минуту она пригласила меня в кабинет шефа. Здесь тоже кое-что изменилось с тех пор, как мы виделись с Елистратовым в последний раз: панорамные окна, на которых ранее висели стандартные жалюзи, теперь были задрапированы бежевой органзой, пол, выложенный ламинатом, напоминал палубу корабля, а стена, к которой примыкал стол для переговоров, была расписана под каменную кладку.

Сам Владимир Евгеньевич сидел за небольшим столом в зоне отдыха, окруженным тремя мягкими креслами необычного дизайна. Пожалуй, он был единственным, что здесь осталось неизменным: все такой же стройный, подтянутый, с легкой сединой на висках.

– О, Женья! – обрадовался он, поднимаясь со своего места.

– Здравствуйте, Владимир Евгеньевич, – сказала я.

– Сколько лет, сколько зим, Женечка! Ничего, что я к вам так обращаюсь?

В рабочих отношениях я действительно настаиваю, чтобы клиенты обращались ко мне по имени-отчеству. Но по окончании договора мы становимся просто хорошими знакомыми, и официальная форма общения уже никому не нужна, поэтому я ответила:

– Все в порядке, Владимир Евгеньевич. Я тоже рада вас видеть. У меня к вам дело.

– Присаживайтесь, – Елистратов пододвинул мне кресло. – Сейчас я попрошу приготовить нам чай или кофе. Вы что будете?

– Пожалуй, чай, – решила я.

Елистратов снял телефонную трубку:

– Марфа Николаевна, организуйте нам, пожалуйста, чай.

Секретарша принесла на подносе чашки, заварочный чайник, блюдечко с тонко нарезанным лимоном, печенье в вазочке и коробку конфет.

– Слушаю вас, Женя, – серьезным тоном сказал Елистратов, когда Марфа Николаевна вышла из кабинета.

– Владимир Евгеньевич, мне необходимо встретиться с вашей сестрой. Но дело в том, что дома, на Добролюбовского, ее нет со вчерашнего дня. И в своем агентстве она тоже сегодня не появлялась. Администратор сказала, что Светлана звонила ей вчера и назначила ее своим заместителем на время отсутствия. Но сколько она будет отсутствовать, неиз-

вестно. Вы могли бы прояснить ситуацию?

Елистратов сразу помрачнел. Немного помолчав, он спросил:

– Я так понимаю, Ланка что-то натворила?

– В том-то и дело, Владимир Евгеньевич, что пока я не переговорю с вашей сестрой, то не пойму, что, собственно, произошло. Кстати, вы можете показать мне ее фото?

Елистратов немного подумал, почесал нос, покрутил головой, порылся в ящике стола и наконец вытащил оттуда фотографию. С нее на меня смотрела очень эффектная молодая женщина лет двадцати семи с пышными иссиня-черными волосами. Они создавали резкий контраст с бледной кожей и миндалевидными ярко-синими глазами. Капризно изогнутые пухлые губы были покрыты помадой пурпурного оттенка.

– К сожалению, Женя, я и сам не знаю, где сейчас может находиться Лана, – признался Елистратов. – Я уже даже подумываю нанять частного сыщика.

– У вас есть основания беспокоиться за нее? – быстро спросила я.

– Да уж, моя сестра – это вечная проблема, – вздохнул бизнесмен. – С тех самых пор, как появилась на свет. Я сейчас расскажу вам некоторые факты из ее биографии, и тогда вам, Женя, станет понятно. Она родилась, когда мне было двадцать лет. Родители все эти двадцать лет мечтали о дочке, и их мечта наконец-то сбылась! Особенно радовался

папа. Лану носили на руках и всячески баловали с самого рождения, отец разрешал ей буквально все. Она могла входить в его кабинет, когда ей заблагорассудится, и переворачивать там все вверх дном. Она могла позвонить ему в любой момент, и он всегда сразу же хватал трубку, даже на важном совещании. Он подсказывал ей решение задачек по математике, помогал писать сочинения, объяснял физику и химию, если ей было что-то непонятно. У них была невероятно прочная эмоциональная связь, Ланка просто боготворила отца. Она рассказывала ему все свои секреты, делилась переживаниями и обидами по любому поводу.

– Именно с отцом, а не с матерью? – удивилась я.

– Да, представьте себе. Более того, в нашем доме существовала такая традиция: время с половины десятого вечера до десяти отец посвящал Лане. Она забиралась к нему на диван, они запирались в кабинете и беседовали на самые разные темы. Это было железно, и, что бы ни случилось, эти полчаса принадлежали только ей, все остальное могло подождать. Даже если отец уезжал за границу в командировку, он обязательно звонил ей в это самое время и говорил с ней ровно полчаса – ни минутой меньше.

– Но это же стоило, наверное, баснословных денег! – невольно вырвалось у меня.

– Еще бы! Но отцу было наплевать – главное, чтобы дочка легла спать, чувствуя себя спокойной и счастливой.

– Надо же... Слепая отцовская любовь? – вставила я.

– Да, пожалуй, – согласился Елистратов. – Я вам даже больше скажу: маму Ланка недолюбливала. А когда окончила третий класс – ей тогда было десять лет, – родители стали ссориться. Не хочется об этом говорить, но... дело в том, что мама начала прикладываться к бутылке. И чем дальше, тем больше.

– А что, был повод?

– Да как сказать... Наверное, был. Мама переживала, что отец мало уделяет ей внимания, что он полностью погружен в свою работу. В основном они ссорились из-за этого и еще из-за того, что сестра совсем отбилась от рук, кроме отца, никого не признавала, грубила прислуге, говорила матери ужасные вещи.

– И отец защищал ее? – спросила я.

– Не то чтобы... Он пытался ее образумить, говорил, что нельзя так вести себя с матерью. Но она и его не слушала: он был для нее идеальным, а мать – нет. К ней у Ланы было море претензий, и ее родительского авторитета она совершенно не признавала. Однажды в отсутствие отца мама настояла, чтобы Ланка шла спать, потому что было уже очень поздно. А та встала на дыбы. Как же, ведь она королева, никто не смеет командовать ею! Дурь подростковая в голову ударила, и она наговорила маме таких гадостей, что у нее случился сердечный приступ. А «Скорая» приехала слишком поздно...

Я сочувственно покачала головой. Мой собеседник помолчал немного, потом продолжил свой рассказ:

– Конечно, после этого Ланка немного присмирела. Но надолго ее не хватило. Через год отец решил снова жениться, а в жены себе выбрал совсем молодую женщину, всего на десять лет старше Ланы. Тут уже она восстала и против отца. Как он посмел! Ведь он должен был всю оставшуюся жизнь принадлежать только ей! Она просто изводила отца и его избранницу самыми едкими замечаниями и совершенно возмутительными выходками. Жить под одной крышей им втроем стало невозможно, и в конце концов отец не выдержал и отправил Ланку в закрытый пансионат в Швейцарии. Помимо всего прочего, он всерьез опасался, что столь бурный пубертат совсем сорвет ей крышу и она, как и ее мать, пристрастится к алкоголю, а то и к наркотикам.

– И как, помогло? – поинтересовалась я.

Елистратов отрицательно покачал головой.

– Условия в пансионате были действительно суровые, я бы сказал, спартанские: простая здоровая пища строго по расписанию, маленькая комнатка на двоих, скромная одежда – обычные джинсы, свитера и футболки, никаких брендовых шмоток, никаких дерзких юбок, вызывающих платьев, каблуков и прочего. Плюс полное самообслуживание и регулярный физический труд на свежем воздухе. Они там сами себе морковку выращивали и цветники разводили, представляете? А Ланка-то всю жизнь была уверена, что круассаны на деревьях растут, а морковка – на полках в супермаркете. И чувствовала она себя там как в монастыре строгого режи-

ма. Дома-то как было? Захотела в час ночи творожный пудинг – ей принесли творожный пудинг. Если в чашку с чаем попала хоть одна чайинка – чашка демонстративно выплескивается на пол прямо на глазах у горничной. Постельное белье извольте ей менять каждый день, как в пятизвездочном отеле. Пойдет в душ – сразу орет, что полотенце жесткое. Учуёт запах чужого парфюма – визжит, что у нее аллергия, хотя от самой иногда разит, как из парфюмерного магазина. В общем, если перечислять все ее закидоны...

– Да уж, – глубокомысленно вставила я, чтобы поддержать разговор.

– А какие душераздирающие письма она писала из этого пансионата! Что зимой она мерзнет под тонким одеялом, что матрас жесткий, суп жидкий и его мало, что подъем аж в шесть утра, потом холодный душ и пробежка по парку в любую погоду. И что безумно много предметов и по каждому безумно много задают. А новая жена отца, Маша, оказалась человеком очень добрым и чутким. И несмотря на все Ланкины выходки, на все, что ей пришлось вытерпеть от падчерицы, пока та не укатила в Швейцарию, Маша чуть не плакала, читая эти письма. И когда закончился учебный год, она уговорила отца вернуть Ланку домой. Только Ланка вернулась очень обиженная. Она не могла простить отцу, что он подверг ее таким суровым испытаниям. А к Маше никакой благодарности не испытывала. Эгоистка, самая настоящая эгоистка!

– Так что же, взаимопониманию с отцом пришел конец? – уточнила я.

– Да, получается, что так, – подтвердил Елистратов. – Никто больше не мог найти к ней подход. Над Машей она откровенно издевалась. Что бы та ни предлагала – сразу кричала «нет», даже не дослушав. Маша понимала, что на роль матери претендовать не может, поэтому попросила Ланку называть ее просто по имени, а та в ответ начала изгаляться: «Могу даже звать тебя бабушкой, если тебе так больше нравится. А если ты против, давай я буду звать тебя тетя Маша». А от ревности к отцу она просто с ума сходила: скрупулезно подсчитывала, сколько раз на день он звонит ей, а сколько – жене, сколько раз улыбается ей и сколько – Маше. А поскольку отец старался беречь семейное счастье и избежать ошибок прошлого, то жену он вниманием не обделял, так что счет был не в пользу Ланы. Помню, как однажды сестра устроила грандиозный скандал из-за того, что отец отказался купить ей зимние сапоги на высоком каблуке. Ланка вопила, что ему жалко тратить на нее деньги, а на жену – всегда пожалуйста. И хотя отец битый час доказывал, что дело не в деньгах, просто подростку вредно носить такую обувь, она ничего не хотела слышать, только кричала всякие гадости о Маше, так что отец в конце концов отхлестал ее по щекам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.